

ИДЕЯ·СЕВЕРА

Эндрю·Хэдфилд

Эндрю Хэдфилд — профессор английского языка и литературы Сассекского университета. Занимается исследованием раннемодерной литературы, включая Шекспира, Спенсера, политических идей и национальной идентичности в литературных произведениях английского Ренессанса.

Перевёл с английского языка Дмитрий Могильницкий.

Рунический камень, Дания.
Фото Майкла Кэлэхана

Формирование представления о Севере в западном обществе имеет долгую и примечательную историю. Так, «единственным этнографическим трактатом, дошедшим до нас со времен античности», считается «Германия» Тацита (лат. «De origine et situ Germanorum» — «О происхождении и местоположении германцев»), в котором описываются германские племена того времени¹. Этим небольшим произведением Тацит по-своему пытался настроить римлян на борьбу с тем наполненным роскошью упадком, который, как он считал, охватил и изменил до неузнаваемости всё общество. Очерк «Германия» дополняет другой труд Тацита — «Жизнеописание Юлия Агриколы», где повествуется о судьбе его тестя, правителя Британии и «одного из самых победоносных военачальников эпохи правления Флавиев»². В «Германии» ограниченная обычаями индивидуальная свобода варваров Севера противопоставляется мягкому ярму раболепия, надетого на римлян жёсткой рукой Нерона. Воздержание и тщательно регулируемая сексуальность бриттов и германцев у Тацита резко контрастирует с постыдной вседозволенностью римлян. Да, Север примитивен и безыскусен, но в нём сохранился тот истинно человеческий стержень, который уже почти исчез на Юге.

Оба упомянутых труда Тацита бесценны для нас как источник знания о жизни англосаксов, представляя людей, осознающих ограничения своего поведения и придерживающихся их. Тацит воздаёт неприкрытую похвалу брачным обычаям и обрядам германцев:

Тем не менее браки у них соблюдаются в строгости, и ни одна сторона их нравов не заслуживает такой похвалы, как эта. Ведь они почти единственные из варваров

¹ Mellor R. Tacitus. London, 1993. P. 14.

² Ibid. P. 10.

довольствуются, за очень немногими исключениями, одною женой, а если кто и имеет по несколько жён, то его побуждает к этому не любострастие, а занимаемое им видное положение. Приданое предлагает не жена мужу, а муж жене. При этом присутствуют её родственники и близкие и осматривают его подарки; и недопустимо, чтобы эти подарки состояли из женских украшений и уборов для новобрачной, но то должны быть быки, взнузданный конь и щит с фрамеей и мечом. За эти подарки он получает жену, да и она взамен отдаривает мужа каким-либо оружием; в их глазах это наиболее прочные узы, это — священные таинства, это — боги супружества. И чтобы женщина не считала себя непричастной к помыслам о доблестных подвигах, непричастной к превратностям войн, всё, знаменующее собою её вступление в брак, напоминает о том, что отныне она призвана разделять труды и опасности мужа и в мирное время и в битве, претерпевать то же и отваживаться на то же, что и он...³

³ Tacitus C. The Annales of Cornelius Tacitus [and] The Description of Germanie, trans. by Richard Grenewey. London, 1598. P. 263.

Тут и далее перевод на русский язык даётся по изданию: Тацит К.

О происхождении германцев и местоположении германцев // Тацит К. Сочинения в двух томах. Т. I. **Анналы. Малые произведения.** Москва, 1993. С. 337–356.

⁴ Лат. *Virtus* 'доблесть' — в римской мифологии богиня, персонафикация доблести, военного мужества и гражданского долга.

Древнеримское понятие *virtus*, изначально понимаемое как «воинская доблесть», претерпевает качественное изменение. Многие воинские ценности (в том числе *virtus* и *disciplina*) переносятся на сферу гражданской жизни. *Virtus* обретает новое значение — «гражданская доблесть», а со временем в силу своей универсальности становится выражением «добродетели» вообще, или совокупности свойств, подобающих римскому гражданину: храбрости, выносливости, трудолюбия, сурового достоинства, непреклонной честности, справедливости т. д. — Прим. перев.

Воины германцев.
Иллюстрация из книги Филиппа Клевэра (*Philipp Clüver*) «*Germaniæ antiquæ libri tres*». Лейден, 1616 г.

Почтительные контрасты между обществами, столь явно выявленные Тацитом, послужили основой для последовавших многочисленных исследований и комментариев. Особенно часто к трудам Тацита обращались те, кто интересовался самым важным из республиканских понятий — понятием добродетели⁴. Германцы благородны и доблестны в бою, поскольку живут суровой и непривлекательной жизнью, лишённой излишеств, чем резко отличаются от избалованных комфортом римлян. Краеугольным камнем германского общества служит институт брака. Суть брака состоит в равноправии, и те, кто связывают себя брачными узами, принимают на себя обязанность следовать установленным правилам. Брак у германцев — это ось, вокруг которой объединяются стремления мужчины и женщины к совместной защите и выживанию, а не стремления к потаканию своим прихотям и своему тщеславию. Женщин уважают как равных мужчине, и поэтому жёны должны нести все тяготы и лишения вместе и рядом со своими мужьями. Так устанавливается и принимается германцами истинная ценность брака. Германцы обуздывают телесные желания, осознавая «узы добродетели» и те требования, которые накладываются на личность для того, чтобы созданная семья служила ещё одним надёжным камнем в оборонительной стене общества.

Но и противники германцев могут обладать доблестью и благородством. Показывая Агриколу скромным и полным самообладания человеком, Тацит противопоставляет его погрязшим в излишествах южанам, отрицающим его добродетели и стремящимся умалять его победы:

Не желая отягощать праздных людей, среди которых он оказался, своей славою военачальника, он постарался смягчить её добродетелями иного свойства и повёл спокойное и свободное от всяких занятий существование, скромный в образе жизни, любезный в речах, сопровождаемый одним, много двумя друзьями и вообще настолько простой и доступный, что те, у кого в обычае судить о великих мужах в меру их самонадеянности и надменности, увидев Агриколу и присмотревшись к нему, задавались вопросом, чем он достиг знаменитости, и лишь немногие находили этому объяснение.

В эти дни Агрикола не раз был обвинен заочно перед Домицианом и так же заочно оправдан. И причина нависшей над ним опасности — не какое-нибудь определённое, вменявшееся ему в вину преступление и не жалоба кого-либо, считавшего себя оскорбленным, а сам неприязненно относившийся к какой бы то ни было добродетели принцепс, и полководческая слава Агриколы, и самая зловредная порода врагов — хвалящие⁵.

Агрикола мог бы быть призван Римом для борьбы с северными варварами, однако он сам больше похож на варвара, чем на тех, кто может повелевать ему. Как и варвары, он владеет собой, не склонен выставлять себя в выгодном свете, скромнен в личной жизни и ценит дружбу и верность превыше других, более очевидных способов карьерного продвижения. В двух упомянутых нами трактатах Тацит убедительно критикует политическую систему Римской империи, причём делает это более прямо и нелицеприятно, чем в своих главных произведениях — «Анналах» и «Истории». Утончённо-объективный анализ, отличающий эти труды, дал повод укорять Тацита в политически обусловленном творчестве, в резком изменении собственных взглядов, а также в убеждённости в том, что отстраненно-созерцательный взгляд на мир и критика разложения власть имущих неизменно будут лучшей политикой из имеющихся⁶.

Этой убеждённости ещё нет в «Агриколе» и «Германии», которые явственно преследуют цель напомнить читателям, что потерял Рим, когда Республика была свергнута.

Республика основывалась на разделяемом гражданами понимании добродетели, причём и общественная, и личная жизнь граждан укрепляла такие общие ценности, как самоограничение, свобода и равноправие⁷. В последние годы Республики, когда Рим уже захлестнула волна разложения, понятие добродетели ушло с арены общественно-политической борьбы, отступив в сферу частной жизни, и стало каждым пониматься по-своему. Например, Цицерон, последний великий защитник Республики, уравнивал дружбу с добродетелью.

Согласно Тациту, в результате тираний Нерона и Домициана, Рим выродился настолько, что добродетель стала чем-то, чему римляне могли бы научиться лишь у своих врагов — северных варваров. От них римляне могли бы научиться настоящему нравственному поведению и понять то, как нравственное поведение соотносится с равноправием. Варвары могли бы показать римлянам, что свобода истинно ценится и расцветает только тогда, когда она подвергается испытаниям и отстаивается в постоянной борьбе.

Понимание и соблюдение того, что было когда-то римской добродетелью, сохранилось только в легионах, благодаря существующим воинским ограничениям и армейскому здравому смыслу.

Однако эта сохранившаяся добродетель неизбежно вступала в конфликт с коррумпированной верхушкой римского общества, поскольку пороки элиты на фоне добродетели видны ярче. Для правителей это было невыносимо, и чтобы защитить себя, они были готовы позволить Риму пасть ещё ниже.

Своими трудами Тацит выработал объёмную модель этнографического и политического анализа, оказавшую определяющее влияние на всю последующую европейскую мысль. Европа начала понимать себя, отталкиваясь от сделанного Тацитом различения между изысканно-декадентским Югом и сурово-добродетельным Севером (такое географическое разделение также явно содержит в себе легко актуализируемый сексуальный подтекст). В Европе эпохи Средневековья и Раннего Модерна ключевым элементом дебатов о политике и обществе было представление о том, что политические добродетели, особенно республиканизм, или происходят с Севера, или только там и сохранились. Что приобретают и что теряют общества по мере своего развития?

⁵ Tacitus C. The End of Nero and Beginning of Galba: Fower bookes of the Histories of Cornelius Tacitus [and] The life of Agricola, trans. by Sir Henry Saville. London, 1591. P. 263. Тут и далее перевод на русский язык даётся по изданию: Тацит К. Жизнеописание Юлия Агриколы // Тацит К. Сочинения в двух томах. Т. I. Анналы. Малые произведения. Москва, 1993. С. 314–340.

⁶ Burke P. 'Tacitism' // Tacitus, ed. by T.A. Dorey. London, 1969. P. 149–171.

⁷ Cp. Skinner Q. Liberty Before Liberalism. Cambridge, 1998.

Стремясь к совершенству, надо ли учиться только у тех, кто стоит выше по уровню искусства, литературы, культуры? Или всё же стоит учиться и у тех своих соседей, которые считаются «отсталыми»? Английские переводчики Тацита стараются донести мысль, что его тексты ставят перед читателями-англичанами, неуверенными в своей идентичности и в своем месте в пантеоне наций, вопросы, заслуживающие особого внимания⁸.

Куда же обратиться Англии свой взор в поисках вдохновения — на Север или же на Юг? В поисках ответа на этот вопрос англичане начали изучать исторические хроники, написанные на латыни в соответствии с этнографической парадигмой Тацита. В период Раннего Модерна в Европе были широко доступны хроники датского историка Саксона Грамматика «Деяния данов»⁹. Эти хроники повествовали не только об истории Дании, они также содержали важные сведения о происхождении других наций европейского Севера. Труд Грамматика, написанный, скорее всего, между 1208 и 1218 гг., наиболее известен легендой о принце Амлете (Амледе), послужившем прообразом шекспировского Гамлета. Вполне возможно, что Шекспир мог прочитать адаптированный рассказ о драматической судьбе принца и в «Трагических историях» Франсуа де Бельфоре (1564—1582)¹⁰. Однако, зная склонность Шекспира к чтению пространственных исторических трудов, более вероятно, что история Гамлета была почерпнута непосредственно из первоисточника¹¹. «Деяния данов» составлены из 16 книг, причем в первых 9 собраны мифы, легенды и предания не только Дании, но и других стран Севера — Швеции, Норвегии и Исландии. Благодаря такой разносторонности, хроники Грамматика стали для читающей публики настоящим кладом исторических эпизодов, рассказов и упоминаний¹².

В предисловии к «Деяниям» Грамматик описывает Данию как опасную страну, где прежде обитала «цивилизация великанов»¹³. Упоминание великанов связывает историю Дании с легендарной историей Британии, изложенной Гальфридом Монмутским в своем очень популярном, известном с XVI-го века труде о возникновении Британии. До прибытия Брута Троянского, потомка мифического троянского героя Энея, остров носил название Альбион и «жили на нём лишь несколько великанов», среди которых самым огромным («двенадцати футов ростом») и диким был «отвратительный» Гогмаг (72—73). Победу над ним одержал лучший воин Брута — Кориней. Он сражался с чудовищем и в конце концов сумел сбросить его со скалы, так что великан разбился о прибрежные камни. Скала же после этого получила название «Прыжок Великана». В награду за победу Брут даровал Коринейю западную часть острова, которая в честь своего владельца получила название Корнуолл. Остров же, по имени Брута, назвали Британией.

Согласно Грамматику, по землям Дании могут путешествовать лишь исключительно отважные и несгибаемые люди, поскольку:

*...Ныне же считается, что твари эти [великаны] обитают в пустынных землях, путь куда труден и долог... одарены они волшебной способностью превращения и могут невообразимым способом исчезать в мгновение ока и также появляться из ниоткуда. Вот вроде бы он здесь, а вот он уже в другом месте. Проход в их земли преграждают опасности столь ужасающие, что те, кто отважился пойти по нему, редко возвращаются домой*¹⁴.

Дания остаётся страной, ожидающей героев, которые завоюют и заселят её. Она — часть Севера, которую необходимо вернуть в пределы цивилизованного мира так же, как это произошло с Британией много лет назад, или, как явно намекает Грамматик, так же, как это происходило с землями, колонизированными викингами и другими скандинавами, о чем говорится в сагах и хрониках (ключевым моментом в рассуждениях Грамматика становится легендарная «Сага о Хрольфе Жердинке и его витязях», повествующая о приключениях в V—VI веках короля Хрольфа из клана Скъельдунгов¹⁵).

Дания — земля колдунов и ведьм, сверхъестественным образом мешающих любым попыткам людей установить нормальную жизнь. В предисловии Грамматик делает основной упор на враждебном заговоре колдовских сил против человечества:

⁸ The Renaissance in National Context, ed. by R. Porter and M. Teich. Cambridge, 1992.

⁹ Лат. «Gesta Danorum». Хроника составлена из 16 книг, написанных на латинском языке. В первых 9 книгах излагаются скандинавские предания и сказания, в их числе — и легенда о Гамлете. Три тома посвящены становлению христианства в Дании, остальные части описывают события, близкие ко времени написания хроники (до 1185 г.). Впервые «Деяния данов» увидели свет в 1514 г. в Париже, только после этого возникло несколько переводов уже на датский язык. — Прим. перев.

¹⁰ Продолжение начатого Пьером Бозстю (Pierre Boaistuau) перевода «Новелл» Маттео Банделло (Matteo Bandello). Среди этих историй есть версия одной из легенд Саксона Грамматика, возможно оказавшая косвенное влияние на «Гамлета», и новелла, на которую, по-видимому, опирался Шекспир при создании пьесы «Много шума из ничего». — Прим. перев.

¹¹ Bullough G. Narrative and Dramatic Sources of Shakespeare. 8 vols. London, 1957—1975. Vol. VII. P. 3—79. Интересная попытка восстановить рабочую библиотеку Шекспира сделана в: Bate J. Soul of the Age: The life, mind and world of William Shakespeare. London, 2008. Гл. 9.

¹² Saxo Grammaticus. The History of the Danes, Books I—IX. Ed. by H.E. Davidson, trans. by P. Fisher. Woodbridge, 1979—1980. Vol. II. P. 2.

¹³ Saxo Grammaticus. The History of the Danes. Vol. I. P. 9.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ King Hrolf and his champions // Eirik the Red: And Other Icelandic Sagas. Trans. by G. Jones. Oxford, 1961. P. 221—318.

Рассказывают, что некоторые люди перебежали через ледяные поля, и лёд вдруг разверзался перед ними, и проваливались они в бездонные глубины; вскоре находили их бездыханные тела, но лёд вокруг был без единой трещины...

Ходит слух, что бьют там из-под земли фонтаны нечистой влаги, и кто отоплет из них, тот умрёт на месте, как будто отведав яду. В других же источниках вода похожа на эль. Есть в тех краях и огонь, что не сжигает древа, но пожирает воду¹⁶.

Если не принимать во внимание природные источники эля, то перед нами в деталях предстаёт мир, всячески сопротивляющийся стремлению мужчин и женщин оцивиловать его, противопоставляя этому стремлению древние тёмные силы дохристианского язычества.

В вынужденной борьбе со смертоносным сумеречным миром сверхъестественного люда Севера становятся отважнее и благороднее своих более цивилизованных противников. Как и у Тацита, варвары у Грамматика жёстки и неотесанны, не подвержены греху похоти, супруги в браке равноправны, а женщины их обладают удивительным мужеством. Так, например, после предательства и поражения от Даксона конунг Скифии Витсёрк отвергает позорную свободу, предложенную ему победителем, и добровольно восходит на костёр вместе со своими воинами. Отец Витсёрка, великий датский герой Рагнар, настолько убит горем, что жена напоминает ему о его обязанностях:

Получив скорбную весть, Рагнар облачился в траурные одежды, но сердце его было разбито, и горе столь велико, что он сам решил умереть. Он не вставал с

постели, и лишь редкие стоны выдавали его страдания. Жена же Рагнара, в отличие от него, полна была стойкости и самообладания. Упрекая его в слабости, укрепляла она Рагнара мужеством своим и призывала его взяться за оружие, ибо для отца, если он храбр, нет другого пути воздать за окровавленный пепел сына. Не стенать, но воевать призывала она Рагнара. Также говорила она, что вздохи и плач более подходят женщине, чем доблестному воину, и что вся былая слава Рагнара будет смыта его нынешними слёзами, а отвага и доблесть забыты. Увещевания эти вернули душу Рагнара из пустошей скорби, понял он, что женоподобными причитаниями обесчестит имя своё; надёжно скрыл он печаль и не выказывал её боле. И обрёл Рагнар былую крепость духа в надежде на скорое отмщение. Вот так бывает, что слабость укрепляет силу¹⁷.

В героическом мире промёрзшего Севера нет времени для таких излишеств, как расслабленная печаль. Всегда надо быть готовым дать быстрый отпор, а любое проявление слабости ведёт к неисчислимым бедам. Необходимость сделать выбор, с которой сталкивается Рагнар, очень напоминает положение, в котором оказался Амлет. Догадавшись,

¹⁶ Saxo Grammaticus. The History of the Danes. Vol. I. P. 8.

Титульная страница
«Деяний данов» (*Danorum
Regum heroumque Historiæ*)
Сахона Грамматика. Париж,
1514 г. Издатель — Кристиерн
Педэрсен (*Christiern Pedersen*)

¹⁷ Ibid. P. 289.

Добродетельный герой Старкад. Иллюстрация из книги «История северных народов» (*Historia de gentibus septentrionalibus*) Олафа Магнуса. Рим, 1555 г.

что его отец Эрвендиль был убит собственным братом Фенги, а мать Амлета Геруд (а) вышла замуж за убийцу. Амлет вынашивал планы мести и симулируя умопомешательство, выжидал подходящего случая. И такой случай выпал ему во время дворцового пира. Разыграв роль виночерпия, Амлет допьяна напоил и придворных, и дворцовую стражу, так что те вповалку уснули прямо на полу. Амлет перерезал ляжки, на которых держались ковры, связанные по уговору его матерью друг с другом и служившие перегородками в зале. Ковры упали на храпящих дружинников, и Амлет сцепил их крючками друг с другом так, что никто из тех, кто лежал под ними, не мог бы подняться, сколько бы не пытался. После этого, при помощи заранее запасенных палок, он поджёг замок вместе с теми, кто был в нём. Затем Амлет прошёл в почивальню конунга-узурпатора и, объявив о том, что знает о его преступлениях, убил Фенги его же собственным мечом.

История Амлета в изложении Грамматика, в отличие от шекспировской версии, продолжается дальше. Амлет получил трон своего отца, стал могущественным конунгом, перехитрил и убил нарушившего договор короля Британии, прежде чем в битве погиб сам. Примечательно, как Грамматик восхваляет героические деяния Амлета:

Храбрый муж, достойный вечной славы, благоразумно вооружившись притворным безрассудством, Гамлет скрыл под личиной слабоумия поразительное для человека разумыне! И не только получил в хитрости защиту собственной безопасности, но с её помощью нашёл способ отомстить за отца. Искусно защитив себя, отважно отомстив за родителя, он заставляет нас недоумевать, храбростью он славнее или мудростью¹⁸.

Действия Амлета не критикуются, просто констатируется, что в героическом мире Севера настоящие вожди не могут не быть коварными и жестокими. В хрониках иных авторов такими же качествами обладали и другие успешные правители. По мнению Гальфрида Монмутского, давшего первое подробное описание легендарного короля Артура, в жестокие времена милосердие опасно, и Артур постигает это на собственном опыте. Одержав победу над вторгшимися в его королевство саксами, Артур отпустил их домой, но через некоторое время саксы вновь нападают, «пожалев о заключённом договоре». Король быстро понял свою ошибку и отдал приказ «свершить окончательное правосудие, незамедлительно повесив всех заложников»¹⁹. Артур вновь наносит поражение саксам, но нам понятно, что какой-либо другой король не был бы столь же удачлив.

История Амлета продолжается в четвёртой книге «Деяний Данов». Отбросив маску слабоумия и открыв свое истинное могущество, новый конунг в своей речи возвещает народу о возвращении свободы. В этой речи можно найти следы не только скандинавских источников, но и отзвуки выступления Луция Юния Брута²⁰ после самоубийства Лукре-

¹⁸ Ibid. P. 90.

¹⁹ Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain. Trans. by L. Thorpe. Harmondsworth, 1966. P. 215, 216.

²⁰ Луций Юний Брут (лат. *Lucius Junius Brutus*) — один из основателей Римской республики, возглавивший восстание против последнего римского царя Тарквиния Гордого в 509 до н. э. Один из двух первых римских консулов. — Прим. перев.

ции²¹. В изложении Тита Ливия или Валерия Максима²² Брут в той речи яростно обличал Тарквиниев и требовал дать власть народу. В свою очередь, Амлет описывает себя:

Судьба отца, судьба народа Родины моей создали из меня орудье праведного мщения. Приняв сей долг, я должное воздал мерзавцу, что правил так свирепо, что невозможно было далее терпеть. Покончив с ним, я оказал вам всем услугу. Признайте это, признайте и достоинства мои. Пред вами я стою, я — ваш благодетель. И если заслужил, то трон даруйте мне, но не как слабому наследнику могущества отца, а как повелителю, достойному страны. Послушный долгу, я не убил, но покарал братоубийцу и тирана, по нём и так уж плакала петля. На законных основаниях лишил я власти деспота, вернув вам всем свободу. Я сбросил с вас ярмо, надетое рукою кровопийцы, я стёр мучителя с лица земли, и угнетать он вас не будет боле. Сорвал я все лохмотья рабства и вернул свободы одеянья, возвысил вас, очистил от позора вашу славу. Вы знаете теперь мои заслуги, у вас в руках награда, и я прошу мне даровать её великодушно²³.

Описание Амлетом сложившейся в Дании ситуации в точности соответствует ситуации, сложившейся в Риме после низложения Тарквиниев. Тит Ливий утверждает: «Свобода Рима, доставшаяся в тяжелой борьбе, была так желанна и так сладка исключительно из-за отрицательных свойств личности последнего короля Тарквиния Гордого». О подобном же говорит и Амлет перед собравшимися данами.

Во времена Рима Луций Юний Брут принял власть, дабы предотвратить перерастание в хаос слишком быстро распространявшейся свободы. История Амлета следует такому же развитию событий, когда Амлет становится конунгом по воле народа. Поскольку приводимые нами параллели, как нам кажется, достаточно обоснованны, тогда получается — Грамматик явно пытался показать, что республиканский дух в его время сохранился только на Севере. Подобная традиция республиканской свободы, выражаемая в передаче королевского сана путем народного волеизъявления, развилась во многих местах и была примечательной чертой не только Дании, но и других стран, например, Шотландии (о чём речь пойдет ниже). Ключевой посыл Грамматика состоит в том, что если эта традиция пришла в упадок на Юге, то её необходимо сохранить на Севере. Свобода существует лишь благодаря постоянной борьбе, а благодущные и любящие роскошь легко становятся жертвой тирании.

После Амлета, во времена правления других конунгов, Дания продолжала колебаться между свободой и тиранией, и сражения двух антагонистических сил разыгрывались снова и снова. Описанию этой борьбы, достигшей своей кульминации во времена легендарного воина Старкада (*Starkather* ‘сильный в битве’), посвящена шестая книга «Деяний Данов». В этой книге повествуется о правлении конунгов, наследовавших Фрото (Фрото) III, чьи нравы вызвали со стороны Грамматика «язвительную сатиру на разложение датского двора, которое началось под влиянием саксов»²⁴. Внук Фрото III, Фрото IV был образцовым монархом, поскольку «...не поддавался на неприкрытые греховные искушения, как это сделал бы любой деспот». Вместо этого он постоянно направлял часть своего богатства на общественные нужды, пытаясь «победить зависть добродетелью»²⁵. К несчастью, наследует Фрото IV его сын Ингильд, «чей разум отвращён был от всякой добродетели». Ингильд «сошёл с пути, проторенного предками и полностью предался распутным крайностям». Если Фрото был образцом сдержанности и республиканской добродетели, то Ингильд стал олицетворением всевозможных излишеств и тиранической греховности:

Отверг он [Ингильд] честь и совесть, разорвал путы нравственности и предался греху. Пренебрёг он долгом суверена и превратился в мерзкого раба разгульной жизни. Беспорядочность и непристойное поведение своё довёл до полной крайности, находя в том наслаждение. Чревоугоды овладели им, и безрассудно предавался он обжорству, презрев умеренность. Не мстил он за отца, и враг мог безнаказанно хозяйничать в его владениях. Сластолюбивец и распутник, опорочил он благородное происхождение своею ленью и бездействием. Опустившаяся душа его блуждала по извилистым тропинкам, вдали от столбовой дороги предков, с наслаждением погружаясь в самые отвратительные мерзости²⁶.

²¹ «Смерть Лукреции» — сюжет из истории Древнего Рима. Лукреция (*Lucretia*) была женой Тарквиния Коллатина (вместе с Брутом консул Рима в 509 г. до н. э.). Старший сын римского царя Тарквиния Гордого — Секст Тарквиний, увидев Лукрецию, возгорелся к ней страстью и однажды ночью тайно явился к ней. Угрожая мечом, он потребовал, чтобы Лукреция тут же отдалась ему. Встретив сопротивление, Тарквиний пригрозил Лукреции, что, обесчестив, умертвит её и подбросит ей в постель зарезанного раба — пусть все думают, что оба убиты в грязном прелюбодейнии. Перед лицом такого позора Лукреция сдалась, но затем, призвав отца и мужа, сообщила обо всем и вонзила себе в сердце заранее приготовленный кинжал. — Прим. перев.

²² Валерий Максим (лат. *Valerius Maximus*, I в. н. э.) — римский писатель, автор собрания исторических анекдотов времени императора Тиберия, служащих для исторических целей. Тит Ливий (лат. *Titus Livius*; 59 до н. э., Патавиум — 17 н. э.) — один из самых известных римских историков, автор чаще всего цитируемой «Истории от основания города» («*Ab urbe condita*»), несохранившихся историко-философских диалогов и риторического произведения эпистолярной формы к сыну. — Прим. перев.

²³ Saxo Grammaticus. The History of the Danes. Vol. I. P. 96.

²⁴ Saxo Grammaticus. The History of the Danes. Vol. II. P. 160.

²⁵ Saxo Grammaticus. The History of the Danes. Vol. I. P. 170.

²⁶ Ibid. P. 175.

²⁷ Полибий (др.-греч. *Πολύβιος*, лат. *Polybius*, ?201 до н. э., Мегалополь, Аркадия — ?120 до н. э.) — греческий историк, государственный деятель и военачальник, автор «Всеобщей истории» («Истории») в 40 томах, охватывающих события в Риме, Греции, Македонии, Малой Азии и в других регионах с 220 до н. э. по 146 до н. э. Из книг «Истории» полностью сохранились только первые 5, остальные дошли в более или менее подробных изложениях. Прочие труды Полибия не сохранились. Исходя из учения стоиков о предвидении, он пришёл к метафизике истории, которая рассматривала последнюю как борьбу народов и отдельных личностей против власти судьбы. — Прим. перев.

²⁸ Гай Юлий Цезарь Август (лат. *Gaius Iulius Caesar Augustus*, 23 сентября 63 года до н. э., Рим — 19 августа 14 г., Нола) — римский политический деятель, основатель принципата (с именем *Imperator Caesar Augustus*, с 16 января 27 года до н. э.), Великий понтифик с 12 г. до н. э. Внучатый племянник Цезаря, усыновлённый им по завещанию. — Прим. перев.

²⁹ Eck W. *The Age of Augustus*. Trans. by D. Lucas Schneider and S. A. Takács. Oxford, 2003.

³⁰ Юлии-Клавдии — первая императорская династия в Древнем Риме, правившая с 27 до н. э. по 68 г., состоящая из нескольких римских родов, основным из которых был патрицианский род Клавдиев. Родоначальником династии считают Юлия Цезаря, усыновившего своего внучатого племянника Гая Октавия под именем Юлий Цезарь Октавиан. Октавиан стал первым римским императором под именем Гай Юлий Цезарь Октавиан Август. — Прим. перев.

³¹ На самом деле, Нерон играл на лире. Подробнее об истории его владычества см.: Malitz J. *Nero*. Trans. by A. Brown. Oxford 1, 1999. Более общее представление дается в: Le Glay M., Voisin J.-L. and Le Bohec Y. *A History of Rome*. Trans. by A. Nevill. Oxford, 2001.

Всё то же самое, что и в Риме. Такая параллель между историей германцев и бриттов и историей Рима наводит на мысль, что повествование Грамматика не могло не основываться на «Анналах» Тацита, где проводится точно такая же параллель. Пришествие Республики ознаменовало собой торжество добродетели над греховной тиранией Тарквиниев, переполнивших чашу терпения надругательством над Лукрецией. Как показал Полибий²⁷ в своей «Истории», постепенный упадок Республики и республиканских традиций, ставший особенно явным в последние годы её существования, привел к возвращению тиранической греховности. Согласно Тациту, личность первого императора Августа²⁸ представляла собой смесь добродетельности и греховности. Будучи выдающимся государственным деятелем, Август всё же не мог полностью контролировать тёмные силы, выпущенные на волю реставрацией неограниченной монархии²⁹. На смену Августу пришла династия Юлиев-Клавдиев³⁰ с печально известными тиранами Тиберием, Калигулой и Нероном, причем греховность их всё возрастала вплоть до того, что Нерон играл на скрипке, в то время как огонь пожирал столицу его государства³¹.

Такой же исторический процесс воспроизводится на Севере, в Дании. На смену жёсткой мужественной добродетели Фрото приходит изнеженная греховность Ингильда, почитающего любой своей прихоти. Грамматик, обличая Ингильда, тщательно описывает все его мерзости, чуть ли не смакуя их:

Его идея величия состояла в обладании всё большим количеством кастрюль, сковород, клеток для откармливания домашней птицы, и всякого рода еды и специй. Он сам не выносил обучения обращению с оружием, солдатской службе или мастерству полководца и запрещал обучаться другим. Отказавшись от мужских увлечений, он в потворстве своему ожорству превосходил любую женщину; каждый запах, доносившийся с кухни, возбуждал в нём непреодолимый аппетит. Не сохраняя даже толику трезвости, он постоянно предавался обильным возлияниям, от него всегда разлило перегаром, его постоянно рвало плохо переваренными остатками еды, что делало его дыхание зловонным. Излишества его были столь же тошнотворны, сколь были славны военные подвиги Фрото³².

В этом отрывке у Грамматика можно заметить известное противопоставление мужской рациональности и связанной с ней сдержанности, идущей от разума, и женской чувственности, обусловленной телесными порывами³³. Понятно, что в героическом мире нет места такому поведению: Дании нужна помощь, и она близка. Её окажет могущественный герой Старкад. Ему «претили [Ингильда] попойки», и он перебрался в Швецию, «предпочитая труд безвольной лени»³⁴. Старкад планирует протяжённую во времени последовательность действий, чтобы отомстить каждому, кто унизил Данию, и учиться «разумом управлять... своим гневом и сдерживать... свою ярость внутри»³⁵. Изменив свой облик, Старкад идёт по стопам Амлета и, в конце концов, пусть и немалой кровью, но возвращает в Данию добродетель. Колесо истории завершает очередной оборот.

Мужественность и жестокость были уделом не только героев Севера. Те же черты мы находим у главного действующего лица пьесы Кристофера Марло «Тамерлан Великий», в части второй (опубликована в 1590 г.). Жесткая воинская добродетель Тамерлана не находит продолжения в его сыне Халифе. Слабый и женоподобный, Халиф способен лишь наслаждаться плодами отцовских побед. В самый разгар битвы Халиф и его слуга Пердик развлекаются в тишине и безопасности, заодно рассказывая зрителю о том, как они представляют мир и своё место в нём:

Халиф: Сыграем в карты, чтобы убить время.

Пердик: Как повелишь, господин; а на что мы будем играть?

Халиф: Кто выиграет, тот первый поцелует самую красивую из турецких султанш, когда мой отец возьмет их в плен.

Пердик: Согласен, клянусь!

Герой Старкад помогает норвежскому королю Хельги в битве против нечестивых захватчиков. Иллюстрация из книги «История северных народов» Олафа Магнуса

Халиф: Они говорят, Пердик, что я трус, а меня так же мало пугает их трескотня, их мечи и пушки, как голая женщина в золотой сетке, когда она, боясь напугать меня, снимает эту сетку и ложится со мной.

Пердик: Подобный страх, господин, никогда не обратил бы тебя в бегство.

Халиф: Хотел бы я, чтобы отец как-нибудь испытал мои достоинства в таком сражении³⁶.

Халифу милее вести воображаемые сражения с голыми женщинами, чем увидеть настоящий бой. Зритель зачастую проникается симпатией к Халифу, его потакание собственным слабостям забавляет, давая передышку от безжалостного мира, в котором живет и сражается его отец, а его глупые шутки и болтовня с Пердиком дают передышку от громяющих чеканных реплик Тамерлана. Ирония же в том, что тот замкнутый мирок, в котором обитают Халиф и Пердик, построен на насилии, которое в большой мир несёт Тамерлан. Они ведут беззаботную жизнь за его счёт, ожидают встречи с пленёнными султаншами, не прикладывая ни малейшего усилия к тому, чтобы заслужить все эти удовольствия. Понятно без слов, что всё закончится плачевно. Следуя долгу, Тамерлан закалывает своего заблудшего сына *pour encourager les autres* (фр. «дабы вдохновить остальных»). Следующей сценой Марло усиливает впечатление, показывая нам благородное мужество Олимпии, вдовы коменданта Бассоры. Желая совершить самоубийство, она убеждает Теридама, царя Алжирского, что мазь, которая у неё есть, — волшебная и может отразить любое оружие. Она смазывает этой мазью горло и в конце концов уговаривает Теридама ударить её мечом. Эти сцены (достаточно комичные, по моему мнению) переворачивают ожидаемые гендерные характеристики и роли. Женоподобному мужчине противопоставляется женщина — стоик (подобная Портии в пьесе «Юлий Цезарь»)³⁷.

Тамерлан — представитель ещё одного варварского племени, племени скифов, обитавшего в обширных степях Ближней Азии на северо-востоке от Греции. Наиболее авторитетное описание скифов и их обычаев было сделано Геродотом, который изобразил их такими же, как и людей Севера: свирепыми, безжалостными, отважными, преданными и добродетельными³⁸.

Геродот и другие греческие авторы видели в образе жизни скифов поучительный контраст с греческим обществом. Варвары могли бы напомнить своим более «цивилизованным» соседям о жизненно важных добродетелях, которыми греки опасно пренебрегли. В диалоге Лукиана (Лукиана Самосатского) «Токсарид, или дружба» скиф Токсарид и грек Мнесипп обсуждают достоинства своих народов и сравнивают жизнь в греческом и скифском обществе. Вполне ожидаемо, что скифы ценят истинно мужские добродетели: доблесть в бою, воинские умения, особенно стрельбу из лука, способность

³² Saxo Grammaticus. The History of the Danes. Vol. I. P. 175.

³³ McLean I. The Renaissance Notion of Woman: A Study in the Fortunes of Scholasticism and Medical Science in European Intellectual Life. Cambridge, 1980; Schoenfeldt M. Bodies and Selves in Early Modern England: Physiology and Inwardness in Spenser, Shakespeare, Herbert, and Milton. Cambridge, 1999. P. 35–37.

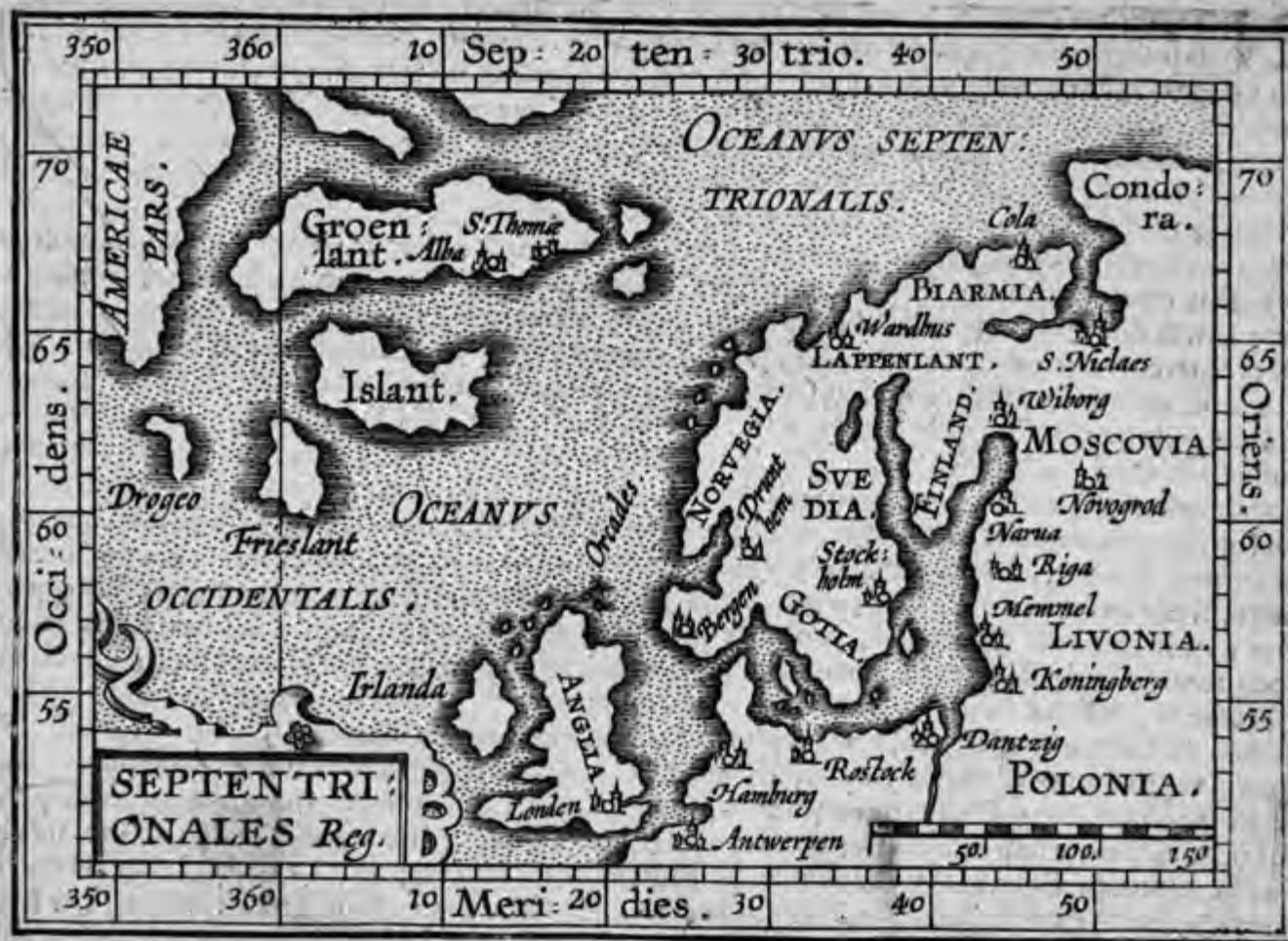
³⁴ Saxo Grammaticus. The History of the Danes. Vol. I. P. 175–176.

³⁵ Ibid. P. 176.

³⁶ Marlowe Ch. The Complete Plays. Ed. by M. Thornton Burnett. London, 1999. P. 61–75. Перевод на русский язык даётся по изданию: Марло К. Тамерлан великий. Перевод Э. Линецкой (Часть первая), Перевод Е. Полонской (Часть вторая) // Кристофер Марло, Сочинения. Москва, 1961.

³⁷ О Портии см.: Marshall C. Portia's Wound, Calphurnia's Dream: Reading Character in Julius Caesar // Julius Caesar: Contemporary Critical Essays. Ed. by R. Wilson. Basingstoke, 2002. P. 170–187.

³⁸ Herodotus. The Histories. Trans. by A. De Sélincourt and A.R. Burn. Harmondsworth, 1972. P. 271–289 и далее.

Карта северных регионов
(Les Regions Septentrionales).
Автор — Абрахам
Ортелиус (Abraham Ortelius),
копия начала XVII в.

стойко переносить превратности судьбы, честность и открытость, почитание предков и искреннюю мужскую дружбу:

Токсарид: Выслушай же меня, почтеннейший Мнесипп, и посмотри, насколько мы, варвары, судим о хороших людях правильнее, чем вы. В Аргосе или Микенах, например, нельзя увидеть славной могилы Ореста или Пилада, а у нас вам покажут их общий, как и подобает, храм, воздвигнутый им как друзьям. Им приносятся жертвы, и они получают все прочие почести; а то, что они были не скифами, но чужестранцами, совсем не служит препятствием считать их доблестными людьми.

Мы ведь не наводим справок, откуда пришли к нам прекрасные и доблестные люди, и не относимся к ним с пренебрежением, если они совершат какой-нибудь добрый поступок, не будучи нашими друзьями. Восхваляя их деяния, мы считаем таких людей своими близкими на основании их поступков. Более же всего в этих людях вызывает наше удивление и похвалу то, что они, по нашему мнению, являются наилучшими друзьями из всех людей, законодателями в делах о том, как нужно делить с друзьями превратности судьбы и как быть в почёте у лучших скифов³⁹.

Скиф снова и снова говорит греку о том, что человека нужно оценивать прежде всего по его доблести, а не по расовой или национальной принадлежности. Скифы примут чужака как своего, если он обладает теми качествами, которые они ценят и которыми восхищаются. И опять мы понимаем, что особая роль дружбы точно вписывается в понимание добродетельности республиканизма. Придавая истинной дружбе особую ценность, благородные варвары указывают верный путь изнеженным цивилизованным народам, заплутавшим в изобилии полезных вещей и требующих от жизни всё новых и новых приспособлений для большего комфорта. Стоит отметить, что Ириней (один из персонажей диалогического памфлета в прозе «Взгляд на современное положение Ирландии» Эдмунда Спенсера⁴⁰ (опубликован в 1596 г.)), утверждает, что ирландцы ведут своё происхождение от скифов, приводя в качестве доказательства уже упомянутый нами диалог Лукиана и указывая на то, что представители обоих народов имеют схожие черты характера. Конечно, мнение Спенсера об ирландцах печально известно. Известно и то, что во времена колонизации Ирландии он призывал к жёстким карательным мерам, вплоть до «тактики выжженной земли». Спенсер считал насилие единственным способом решения «ирландской проблемы»⁴¹. Тем не менее, отсылая читателя к диалогу Лукиана, Спенсер делает шаг к примирению, невольно напоминая, что и у диких народов — особенно у народов Севера — есть заслуживающие восхищения качества, на которые более «цивилизованным» народам-соседям стоило бы обратить внимание. Ириней переходит от описания варварских обычаев к описанию их республиканских/демократических политических практик:

Скифы перед битвой привязывали себя друг к другу попарно, давая тем самым обет сражаться до последней капли крови. Как можно прочесть у Бьюкенена⁴², так же поступают и дикие скотты, и многие североирландцы.

У Лукиана в рассказе об Арсакоме говорится о старом скифском обычае сидения на бычьей шкуре. Обычай садиться на шкуру заключается в следующем: если кто-нибудь, потерпев от другого обиду, захочет отомстить за неё, но увидит, что он сам по себе недостаточно силен для этого, то он приносит в жертву быка, разрезает на куски его мясо и варит их, а сам, разостлав на земле шкуру, садится на неё, заложив руки назад, подобно тем, кто связан по локтям. Это считается самой сильной мольбой. Все, кто хочет присоединиться, подходят, берут каждый по части лежащего тут бычьего мяса и, став правой ногой на шкуру, обещают свою помощь. В результате у шкуры может собраться большая толпа. Такое войско держится очень крепко и для врагов непобедимо, как связанное клятвой, ибо вступление на шкуру равносильно клятве. Точно такой же очень древний обычай существовал у диких скоттов, которые по сути своей и есть ирландцы. У скифов существовала клятва царскими очагами, о чём свидетельствует Олаф [Магнус]⁴³. И сейчас ирландцы клянутся очагами своих вождей, а преступить такую клятву страшнее, чем клятву, данную именем бога⁴⁴.

³⁹ Lucian. The Works of Lucian. Trans. by H.W. Fowler and F.G. Fowler, 4 vols. Oxford, 1905. Vol. III. P. 38.

⁴⁰ Эдмунд Спенсер (англ. *Edmund Spenser*; ок. 1552 — 13 января 1599, Лондон) — английский поэт, современник Шекспира. — Прим. перев.

⁴¹ См. дискуссию в: McCabe R. Spenser's Monstrous Regiment: Elizabethan Ireland and the Poetics of Difference. Oxford, 2002. 2-я глава.

⁴² Джордж Бьюкенен (англ. *George Buchanan*; 1506 — 28 сентября 1582) — выдающийся шотландский историк и гуманист XVI века, воспитатель короля Якова VI. Второй крупной работой Бьюкенена стала его «История Шотландии» («*Rerum Scotticarum Historia*», 1582). — Прим. перев.

⁴³ Олаф Магнус (лат. *Olaus Magnus*, или *Magni*, латинизация *Månsson*, либо перевод *Store*, 1490—1557) — шведский церковный деятель, архиепископ Уппсалы, дипломат, писатель и картограф. Олаф закончил и напечатал несколько копий карты Северной Европы, известной как *Carta Marina*. Кроме неё Олаф написал знаменитую *Historia de Gentibus Septentrionalibus* (История северных народов), напечатанную в 1555 г. в Риме. *История* является литературным продолжением его работы над *Картой*, в ней присутствуют его собственные воспоминания о поездке по Норрланду, легенды, фольклор, этнографические сведения, фрагменты классических трудов Саксона Грамматика и других. Эта книга на долгое время оставалась авторитетнейшим источником знаний о Швеции. Её популярность объяснялась также множеством небольших эскизов, иллюстрирующих обычаи Севера, удивительные для всей просвещённой Европы. — Прим. перев.

⁴⁴ Spenser E. Spenser's Prose Works, 11 vols. Ed. by R. Gottfried. Vol. X of The Works of Edmund Spenser: A Variorum Edition. Ed. by E. Greenlaw and others. Baltimore, 1949. P. 108–109. Комментарий о Спенсере и диалоге Лукиана «Токсарид» см.: Coughlan P. «Some secret scourge which shall by her come unto England»: Ireland and Incivility in Spenser // Spenser and Ireland: An Interdisciplinary Perspective. Ed. by P. Coughlan. Cork, 1989. P. 61–68 и Hadfield A. Spenser's Irish Experience: Wilde Fruyt and Salvage Soyl. Oxford, 1997. P. 105–107.

Ириней утверждает, что ирландцы происходят от скифов, о чём свидетельствует разительное сходство их характеров и обычаев. Трудно судить о том, насколько серьёзно такое утверждение, но ирландцы изображены так, что не остается сомнений в том, что по самой своей сути они и есть скифы. Подобно скифам, ирландцы — кровопийцы. Как писал Геродот, «[во время войны] по древнему обычаю, каждый скифский воин должен был испить крови своего первого убитого врага», на что и намекает Спенсер⁴⁵. Но Ириней использует историю Арсакома из «Токсарида» в первую очередь для того, чтобы показать, что, подобно своим предполагаемым скифским предкам, и у ирландцев, и у скоттов общепринятым и одобряемым является обычай мести обидчикам. Ириней цитирует «Историю Шотландии» (1582) Джорджа Бьюкенена. Этот труд — один из основных источников рассуждений Спенсера. Однако упоминание Бьюкенена имеет, на наш взгляд, любопытные и непредвиденные Спенсером последствия⁴⁶. Слова Иринея наводят на мысль, что у ирландцев существует также другая замечательная общественная традиция, более привлекательная, чем обычай пить кровь своих врагов. Это — традиция своеобразной демократии⁴⁷. Бьюкенен утверждает, что скотты, как и другие народы Севера (в частности, даны), выработали демократические процедуры политического представительства, позволявшие народу участвовать в управлении государством. Высшей формой народовластия были выборы монарха, в силу чего тот правил от имени народа, который и был истинным источником его власти⁴⁸. У ирландцев англичане могли бы перенять основополагающие политические практики, но это будет возможно лишь после полного «умиротворения» острова путем кровавой завоевательной войны.

Последняя часть отрывка, в которой описывается сходство клятвенных обычаев ирландцев и скифов, также весьма значима. Спенсер упоминает труд Олафа Магнуса («История северных народов») — ещё один важный источник своего диалогического памфлета. Спенсер намеренно связывает ирландцев и другие народы Севера, поскольку все они, по его мнению, — потомки скифов, причём труд Магнуса выступает в качестве ключевого связующего элемента. Проиллюстрируем это. По мнению многих английских историков, жизнь ирландцев во время раннего модерна все еще основывалась на отгонном животноводстве (booleying), а не на оседлом земледелии. (Отгонное животноводство основано на сезонных перегонах скота на относительно краткие расстояния. Скот обычно перегоняется на высокогорные пастбища летом и в долины — зимой. Погонщики имеют постоянные жилища, обычно в долинах). Ириней говорит по этому поводу: «[Гонят стада], в точности как это делали скифы. Можете прочесть у Олафа Магнуса»⁴⁹. Ириней ещё раз ссылается на авторитет Магнуса, когда утверждает, что широкие щиты, используемые ирландцами в бою, придуманы именно скифами⁵⁰.

Объёмный труд Олафа Магнуса «История северных народов» (1555 г.) не переведён на английский вплоть до 1658 г., но издание на латыни было достаточно широко известно. Во времена Раннего Модерна труд Магнуса являлся бесспорным авторитетом для других исследователей Севера. Магнус, в свою очередь, с уважением указывает, что при написании своей книги пользовался трудами предшественников, в том числе и Саксона Грамматика. Магнус воссоздаёт уже знакомый нам образ народов Севера, описывая их дикость, половую сдержанность, мужскую доблесть, страсть к завоеваниям и демократические формы правления. Как и Грамматик, Магнус стремится провести параллели между историей Рима и историей народов Севера. В первой же книге своего труда Магнус описывает памятники над местами погребений, придавая им важную роль в общественной жизни. Воздвигнутые в память о покойных правителях, каменные монолиты вдохновляли людей следовать примеру предков и призывали «принять добродетель и отворотиться от грехов»⁵¹. Например, шведы воздвигли целые комплексы разнообразных каменных памятников: «то клиновидные, то с закругленными углами, то приземистые, то устремленные ввысь обелиски эти испещрены рунами, которые именем давно усопшего владыки, возвышенным слогом указуют потомкам, какими путями идти, а каких избегать и остерегаться»⁵². Далее Магнус рассуждает о памятниках, которые **не были** воздвигнуты:

В трудах Мария Максима⁵³ и Элия Лампридия мы находим указание на то, что римский Сенат запретил отдавать погребальные почести императору Коммоду⁵⁴. Несомнен-

⁴⁵ Herodotus. The Histories. P. 291; Spenser E. Spenser's Prose Works. Vol. X. P. 340–341.

⁴⁶ Дальнейшее обсуждение см.: Hadfield A. Spenser and Buchanan // Buchanan. Ed. by R. Mason. Aldershot, 2009.

⁴⁷ Сравн.: Klinger S. Spenser's Irish Tract and Tribal Democracy // South Atlantic Quarterly. 1950. № 49. P. 490–497.

⁴⁸ Более тщательно это аргументируется в труде Бьюкенена «De Jure Regni apud Scotos», комментарии по которому можно найти у: Kingdon R.M. Calvinism and Resistance Theory, 1550–1580 // The Cambridge History of Political Thought, 1450–1700. Ed. by J.H. Burns and M. Goldie. Cambridge, 1991. P. 215–218; Burns J.H. George Buchanan and the anti-monarchomachs // Scots and Britons: Scottish Political Thought and the Union of 1603. Ed. by R. Mason. Cambridge, 1994. P. 138–158; Burns J.H. The True Law of Kingship: Concepts of monarchy in early-modern Scotland. Oxford, 1996.

⁴⁹ Spenser E. Spenser's Prose Works. Vol. X. P. 97–98.

⁵⁰ Ibid. P. 106.

⁵¹ Magnus O. Description of the Northern Peoples, 3 vols. Trans. by P. Fisher and H. Higgins, ed. by P. Foote. London, 1996. Vol. I. P. 67.

⁵² Ibid.

⁵³ Марий Максим (*Lucius Marius Maximus*) — римский историк III в., консул с 223 г., продолжатель светониевых биографий императоров от Нервы до Гелиогабала. Труд Мария Максима не сохранился до нашего времени и известен только по цитатам. — Прим. перев.

⁵⁴ Луций Элий Аврелий Коммод (лат. *Lucius Aelius Aurelius Commodus*; 31 августа 161, Ланувий — 31 декабря 192, Рим) — римский император. — Прим. перев.

Выборы короля. Иллюстрация из книги «История северных народов» Олафа Магнуса

но, что подобный обычай был узаконен и в королевствах Севера. Тела злонравных владык и тиранов не бальзамировались, а место их упокоения предавалось забвению.

После приведенной нами цитаты у Магнуса следует пространный отрывок из позднеримского исторического сборника, известного как «Жизнеописания Августов» (*Scriptores Historiae Augustae*)⁵⁵. В этом отрывке описываются как многочисленные преступления жестокого тирана Коммода против личных свобод отдельных граждан Рима, так и его политические преступления. Все вместе они и послужили основанием для его посмертного позора и забвения: «Он уничтожил завещания убиенных и грабил оставшихся в живых наследников, он продал Сенат. Безвинно погубил он многих граждан и обесчестил имя своё. Да проволокут его труп крюками по улицам, все статуи его надлежит разбить, а имя его следует соскоблить как на общественных, так и на частных сооружениях»⁵⁶.

Политический этос Римской республики сместился, и его унаследовали варвары Севера. Как и римляне, шведы чтут память добрых правителей и забывают злодеев. То же самое мы можем видеть и у современных биографов⁵⁷.

Книга восьмая — «О правителях, дворянстве и воинской подготовке» — начинается с главы, в которой описывается обычай избрания монарха, политический процесс, явно одобряемый Магнусом. Описывая тиранические замашки тех, кто «пытается ускорить передачу себе королевского титула, угрожая призвать принца-чужеземца и прибегая к вооруженному насилию», Магнус предрекает им горестную судьбу правителей-временщиков: «Краткой будет их власть, доставшаяся насилием, а не одобрением народным»⁵⁸. Тирания контрастирует с открытостью и честностью добродетельного правления:

В любом случае, только тот, кто призван на трон разумными и предусмотрительными людьми, может уверенно принять власть, долго править и, в конце концов, упокоиться с миром. Но призвать могут только того, кто силен духом и отличается храбростью, признанной и собственным народом, и врагами. Только того призовут, кто, следуя установлениям предков, верит, что прежде всего монарх должен дать своему народу и дворянам справедливое правление, надёжную защиту и мирное существование. Если же ему удаётся дать всё это, то народ никогда не позволит кому-либо другому претендовать на трон»⁵⁹.

Изложенная аргументация практически полностью совпадает с аргументами Бьюкенена: законность правлению монарха придает лишь одобрение его кандидатуры народом. Должное управление государством возможно лишь при взаимном почтении суверена и его подданных, а подданные почитают суверена тогда, когда он идёт навстречу их пожеланиям⁶⁰. Выборная монархия способствует направленной на общее благо совместной деятельности разных общественных сословий.

⁵⁵ Авторы «Жизнеописаний Августов» — Элий Спартиан, Юлий Капитолин, Вулкаций Галликан, Элий Лампридий, Требеллий Полион и Флавий Вописк. Мы ничего не знаем о них, больше они ничего не написали, и имена их больше нигде не упоминаются. Манера изложения и стиль у них одинаковы — все они пишут, как один человек. Поэтому в современной науке этих авторов принято называть *scriptores historiae Augustae*, «сочинители истории Августов» (имя «Август» стало к этому времени титулом правящего императора). Заглавие «Властины Рима», под которым напечатана книга, — условное. Имеется в виду: Властители Рима, М., Наука, 1992 (Перевод С. П. Кондратьева под редакцией А. И. Доватура, комментарий — А. И. Любжина). — Прим. перев.

⁵⁶ Magnus O. Description of the Northern Peoples. Vol. I. P. 68.

⁵⁷ См.: Pritchard A. English Biography in the Seventeenth Century: A Critical Survey. Toronto, 2005; Backus I. Life Writing in Reformation Europe: Lives of Reformers by Friends, Disciples and Foes. Aldershot, 2008.

⁵⁸ Magnus O. Description of the Northern Peoples. London, 1997. Vol. II. P. 350.

⁵⁹ Ibid. P. 351.

⁶⁰ Buchanan G. A Dialogue on the Law of Kingship among the Scots: A Critical Edition and Translation of George Buchanan's 'De Jure Regni apud Scotos Dialogus'. Ed. and trans. by R.A. Mason and M.S. Smith. Aldershot, 2003. P. 161.

По мнению Магнуса, такая практика является абсолютно необходимой, и в подтверждение, он описывает основополагающие политические принципы готов, связывая их победы в многочисленных войнах с умелым соблюдением принципа единоначалия. Готы осознают всю важность объединения под началом одного, причём выбранного ими самими, вождя, потому что *«когда перерезаны сухожилия, конечности слабеют, а тело не может стоять, если из него вынуты кости»*⁶¹. Магнус прибегает к знакомой метафоре, сравнивая общество с телом, а монарха — с его головой, принимающей рациональные решения: *«Когда хотят править многие, то никто ничем не управляет»*⁶².

Но метафора нужна также для того, чтобы показать необходимость гармонии между правителем и народом, поскольку государство готов зиждется на принципе индивидуальных свобод: *«Порочный разум не беспокоится о чьей-либо свободе и не исполняет когда-то данных клятв»*. Воинственные готы — это ещё один пример того, что добродетель сохраняется и процветает у людей, выживающих во враждебном мире Севера.

В книгах восьмой и девятой «Истории северных народов» в основном описывается воинское искусство и приёмы ведения войны, однако значительная их часть посвящена проблемам несправедливого правления обществом. Более того, основой сравнений выступает история Рима. Так, описывая последствия нехватки фуража для лошадей во время длительных военных кампаний, Магнус упоминает, что во времена гражданской войны, действуя против войск Помпея, кавалеристы Цезаря обрывали с деревьев листья и выкапывали корни, чтобы накормить лошадей, когда всё зерно было уже съедено⁶³. Рассказывая о том, как всадники переплывали реки верхом на лошадях, Магнус ссылается на описание Тацитом германцев, которые особенно искусно применяли этот прием⁶⁴. Позже Магнус опять цитирует Тацита как авторитетный источник описания пиршественных обычаев германцев⁶⁵. Легко заметить, что упор, который делается Магнусом на добродетель северян, строго укладывается в рамки парадигмы Тацита. Как и Грамматик в своих «Деяниях», Магнус особое значение придает половой морали, выводя в своих рассуждениях прямую зависимость тирании от аморальности, а надлежащего правления — от достойного восхищения воздержания и регулирования сексуального поведения. Магнус прямо-таки следует по стопам Грамматика, в подробностях перечисляя сексуальные (и не только) преступления придворных датского короля, совершенные из-за *«распушенности, порожденной праздностью»*:

*Девушки не могли выходить замуж до того, как цветок их девственности не был сорван; некоторых чужестранцев они забивали до смерти костями, некоторых других заставляли пить до тех пор, пока их внутренности не лопались. Отцы не могли выдать дочерей замуж, не купив у придворных их благоволения и соизволения на брак, да и никто из мужчин не мог жениться, не получив за взятку их разрешения. Более того, они принуждали удовлетворять их распутную похоть не только девственниц, но и множество замужних женщин. Они были одержимы двумя страстями — распушенностью и жестокостью, вместо гостеприимства проявляя изуверство по отношению к гостям и чужеземцам. Эта развратная шайка вела себя настолько нагло и вызывающе лишь потому, что мальчик-король дал им полную свободу, подпитывавшую их слепое безрассудство*⁶⁶.

Конечно, речь идет не о настоящей, а о фальшивой свободе — тиранической вседозволенности. Узы брака и сексуальной сдержанности разбиты; все погрязли в коррупции, ничего нельзя сделать без взятки; правила гостеприимства нарушаются без зазрения совести, процветают проявления худших качеств человеческой природы. Несомненно, что Магнус, следуя парадигме Тацита, проводит параллель между Данией и Римом, и в одном небольшом абзаце даёт сжатое описание греховной порочности придворных во времена Юлиев-Клавдиев, достигшей своего апогея во времена Нерона⁶⁷. Далее Магнус упоминает Цицерона, чтобы показать, что худшие из правителей Севера могли пасть в своей греховности ниже самых жестоких правителей Рима:

⁶¹ Magnus O. Description of the Northern Peoples. London, 1997. Vol. II. P. 375.

⁶² Ibid. P. 375. См.: Sennet R. Flesh and Stone: The Body and the City in Western Civilization. Harmondsworth, 2002. P. 23–24 и далее; Hale D.G. The Body Politic: A Political Metaphor in Renaissance England. The Hague, 1971.

⁶³ Magnus O. Description of the Northern Peoples. Vol. II. P. 459.

⁶⁴ Ibid. P. 504.

⁶⁵ Ibid. P. 652.

⁶⁶ Ibid. P. 384.

⁶⁷ Сравн.: Mellor R. Tacitus. P. 52–53.

Цицерон поведал нам, как жестокий Веррес⁶⁸ казнил безвинного человека, отдав приказ удушить его дымом костра, сложенного из трухлявых поленьев. А злобный Йоссе (фогд Вестеросского замка, Йоссе Эрикссон, датчанин, посланный править Швецией с целью «выпотрошить её») казнил над дымом костров не одного, а неисчислимо множество безвинных далекарлийцев⁶⁹.

Швед по национальности, Магнус враждебен по отношению к датчанам, давним врагам и завоевателям Швеции. В своей «Истории» Магнус основательно использует труд Грамматика, чтобы ещё и ещё раз напомнить о жестокой греховности Дании. Однако не это является фокусом его исследования, а, скорее, моральные основы политических процессов Севера. Магнус с видимым одобрением описывает характерные черты людей, сражающихся и выживающих в суровых условиях:

В заключении можно сказать, что это храбрые люди, на которых можно положиться. Несмотря на свою крайнюю немногочисленность, а может, и благодаря ей, они стремятся сохранить в подданных сюзерена дух товарищеской общности и общественной гармонии. Устанавливая границы владений или величину налогов, они записывают их и строго следят за их нерушимостью, видя в этом залог всеобщего согласия и мира. Выходить победителем из непрерывных схваток с опасностью им помогает не только завидное бесстрашие, но и спокойная рассудительность. Страдания не подавляют их волю, и тело не слабеет от горя или усталости. Для ночлега они выбирают каменное ложе или голую землю, а не мягкую перину, которая больше подходит трусам, не носящим оружия⁷⁰.

В последнем предложении в краткой метонимичной форме выражена суть характера Севера. Несгибаемый характер не позволит этим людям терпеть тиранию, и, в конце концов, добро всегда восторжествует, потому что «так или иначе, но ни один тиран не остаётся безнаказанным»⁷¹. Воинственные северяне знают, как отвоёвывать то, что принадлежит им по праву. Сама жизнь заставила их выработать такие образцы самоуправления, на которые стоит обратить внимание и которые стоит перенять их соседям, живущим в более привилегированных условиях. Север знает настоящую цену свободы, и ему не нужны вычурные поверхностные атрибуты культуры, внутренне приходящей в упадок. Настоящая свобода должна быть завоёвана, а не дарована сверху. Каждый англичанин должен сам сделать вывод, насколько он духовно близок к Северу, и действовать в соответствии с ним.

⁶⁸ Гай Лициний Веррес (лат. *Gaius Licinius Verres*; 114 до н. э. — 43 до н. э.), римский политический деятель. Стронник Суллы, но бывший марианец. Легат Азии в 80 г. Претор в 74 г. В 73—71 гг. управлял провинцией Сицилия, где отличился злоупотреблениями и вымогательствами, за что по возвращении в Рим был предан суду. Обвинителем на суде выступил Цицерон. Считая дело проигранным, Веррес ещё до окончания процесса добровольно удалился в изгнание. В 43 г. при втором триумвирате Веррес был занесён Марком Антонием в проскрипционный список и казнён, в этом же году был казнён и его обвинитель Марк Туллий Цицерон. — Прим. перев.

⁶⁹ Magnus O. Description of the Northern Peoples. Vol. II. P. 379.

⁷⁰ Ibid. P. 445.

⁷¹ Ibid. P. 438.